

А.И. ГЕРЦЕН: ИСТОРИСОФСКИЕ ИДЕИ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ПОТОМКАМ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Довольно мы удивлялись отвлеченной премудрости природы и исторического развития; пора догадаться, что в природе и истории много случайного, глупого, *неудавшегося, спутанного.*

А.И. Герцен

Историсофские идеи А.И. Герцена нашли наиболее полное выражение в его работах «С того берега» (1850); «Роберт Оуэн», включенной им в качестве отдельной главы в «Былое и думы» (1860); «Концы и начала» (1862); в его духовном завещании «К старому товарищу» (1870). Именно в них с наибольшей полнотой и глубиной отразились главные идеи, касающиеся его воззрений на историю — идея «растрепанной импровизации истории», вариативности исторического процесса, «печальной роли случая», активной роли человека в преобразовании общественных форм жизни, пагубности их насильственной ломки, объективности оснований социалистического идеала. Пафос, объединяющий все эти идеи — убежденность в том, что история «никуда не идет», а общество представляет собой открытую саморазвивающуюся систему — убежденность, очень созвучная современным представлениям об истории, утвердившимся сегодня в проблемном поле синергетики применительно к анализу ситуации социального выбора, перехода от хаоса к порядку, ломки исторически сложившихся форм общественной жизни. Можно сказать, что эти идеи были предупреждающими свое время и что в известном смысле они стоят у истоков прорыва к синергетическому видению исторического процесса¹. И пусть не покажется амплитуда такой параллели слишком широкой, — философское наследие Герцена еще таит не мало подтверждений его созвучности современному социальному знанию.

1. История никуда не идет

У истории нет *предзаданной цели*, — это была одна из провидческих идей Герцена, одна из его гениальных догадок, она стала для него исходной в воззрениях на историю. Герцен формулирует ее предельно четко и эстетично, как бывало всякий раз, когда речь заходила о значимых для него идеях. «В истории всё импровизация, всё воля, всё ех tempo, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль куда хотят, куда только есть дорога»². У истории нет пла-

на, программы, predetermined развязки — «с predetermined планом история сводится на вставку чисел в алгебраическую формулу, будущее отдано в кабалу до рождения»³. Поэтому она всегда *импровизирует*, и даже когда на одну и ту же тему, никогда не повторяется. Не зная, «куда идет», а точнее, «готовая идти всюду» (если этому ничто не мешает), она «пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот... которые отпрутятся... кто знает?»⁴ Иными словами, *история боится спокойно-равновесного состояния*, — вот главный вывод Герцена. Она таит в своих недрах множество вариантов, тысячу необходимых и случайных условий их реализации. В поисках собственных путей она обходит возникающие преграды, устремляясь в том направлении, которое вдруг обнаруживает для себя как наиболее подходящее и адекватное своим поискам, находя каждый раз для своих импровизаций оправдание в сакраментальном вопросе — «почему бы нет?»

На первый взгляд мысль Герцена может показаться проявлением крайнего алогизма, за что его не раз и упрекали. Чтобы убедиться в неправомерности таких упреков, надо воспринимать ее «в связке» с другими идеями и суждениями Герцена об истории — теми, что являются ее конкретизациями, включенными, как может показаться на первый взгляд, в разные контексты, но *смыслов*о возвращающимися каждый раз к ней как к исходному основанию его «исторической эмбриогении», а именно: история «ненавидит фронт и никогда не идет правильным маршем вперед». Какие идеи конкретизируют это историософское кредо Герцена?

Прежде всего это идея, утверждающая, что цель истории (если такую искать) — самореализация *настоящего*. Другой цели, отвечает Герцен своему собеседнику-оппоненту, нет и быть не может. Каждый исторический миг ценен сам по себе, его назначение — «открыться» в своих возможностях до конца, его назначение есть он сам, его сегодняшнее бытие. Последнее замкнуто на себя, «как всякий год с весной и летом, с зимой и осенью, с бурями и хорошей погодой. Оттого каждый период нов, свеж, исполнен своих надежд, сам в себе носит свое благо и свою скорбь, настоящее принадлежит ему»⁵. Эта метафора выражает суть одного из главных постулатов историософии Герцена, а именно: назначение каждой исторической фазы — это самореализация настоящего, существующего⁶. В таком контексте, кстати сказать, и социализм как фаза исторического развития есть общественное состояние, которое может быть только результатом полной реализации предшествующей ему общественно-исторической формы, — идея, ставшая концептуальным основанием учения Герцена о социализме. Если настоящее не раскрыло до конца заложенных в нем возможностей, старый порядок как не получивший своего завершения восстановит себя на своих развалинах. Такое видение истори-

ческой целесообразности расставляло новые акценты в понимании взаимосвязи настоящего и будущего: *она отрицало наличие между ними причинно-следственной связи*, — идея, очень близкая современным представлениям о взаимообусловленности социальных явлений, о природе социального бытия и его движении по историческому вектору.

Будущее прорастает из тех наличных условий, которые по воле случая складываются в его историческом бытии, что придает этому «прорастанию» во многих случаях неопределенный, а точнее *вариативный* характер. Но это, по мнению Герцена, ничуть не противоречит тому факту, что сквозь всю историю можно просмотреть *нить*, увязывающую настоящее с будущим. Ибо история никогда не бросает найденные ею формы, предоставляя им шанс не только развиться до конца, но и оставить свой след в новых образованиях. Именно поэтому жизненные силы настоящего, возможности их самореализации во многом, а иногда и достаточно жестко определяют самобытность, оригинальность, специфику конкретного «лица» будущего.

Таким образом, цель истории есть не что иное, «как мы с вами... да *плюс* настоящее всего существующего; тут все входит: и наследие всех прошлых усилий и зародыши всего, что будет»⁷. Сосуществование старых форм с зарождающимися новыми — это, считает Герцен, своеобразный, как бы мы сказали сегодня, генетический код истории, который, с одной стороны, есть гарантия необходимой исторической стабильности (аттрактора в терминах синергетики), с другой стороны, он одновременно несет в себе причину исторических разрывов, появления исторических развилок (бифуркаций), ставящих общественную систему перед выбором нового вектора эволюции (эволюционного канала), нового направления для хода истории.

Правда, этот алгоритм связи настоящего с будущим, считал Герцен, не носит характера жестко очерченной необходимости, потому что в ход процесса может вмешаться *случай* в виде «человеческого фактора» или неожиданных обстоятельств природного характера (пролетающая комета «зацепит» земной шар, геологический катаклизм все «поставит вверх дном» и т.п.). «Нет ничего абсолютно необходимого, — уверен Герцен. — Будущее не бывает необходимо предрешено; неминуемого предназначения нет... Будущее слагается из вопросов, слагающихся под рукой, из окружающих условий; оно продолжает прошедшее, общие устремления, смутно выраженные, изменяются в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства решают, как это произойдет, и неясная возможность становится свершившимся фактом»⁸.

В этих словах можно услышать голос автора, получившего естественнонаучное образование (что, как мы знаем, так и было), в системе которого природа и история неразрывно связаны. Видимо, в том числе и поэтому параллели с природой, хотя бы в аллегорической форме, в рассуждениях Герцена об истории всегда присутствуют. Сама

идея вариативности исторического процесса могла возникнуть только в парадигме такого сравнительного анализа. Но следует подчеркнуть и другое: Герцен никогда не отстаивал позиции вульгарного материализма, параллели «природа — история» в рамках его воззрений не были проявлением грубого редукционизма. В его рассуждениях они отражали, с одной стороны, несогласие с традиционным дуализмом в воззрениях на связь природы и истории, а с другой стороны, содержали несогласие с просветительским оптимизмом, абсолютизирующим конструктивно-позитивную роль разума в истории.

Тезис о том, что история таит в себе множество возможностей, которые могут развиваться, а могут и «запнуться» на полдороге, вызывал множество упреков: одни упрекали Герцена за такие идеи в скептицизме, другие в пессимизме. Сам он свои рассуждения подводил под один общий знаменатель — признание за историей *способности к импровизации*. Это была мысль, от которой Герцен не отступал никогда.

2. Открытость истории для человеческого творчества

Склонность истории к постоянной импровизации вовсе не свидетельствует, считал Герцен, что она закрыта для деятельного, творческого участия в ней человека. Она готова идти за ним: «Не имея ни программы, ни заданной темы, ни неминуемой развязки, растрепанная импровизация истории готова идти с каждым, каждый может вставить в нее свой стих, и, если он звучен, он останется *его* стихом, пока поэма не оборвется, пока прошедшее будет бродить в ее крови и памяти»⁹. Более того, человек включается в исторический процесс не только в качестве «активной стихии», но и на правах *рулевого*, способного при знании фарватера направлять корабль истории по выбранному им курсу. Иными словами, он «вовсе не теряется... как песчинка в горе, не больше подчиняется стихиям, не круче связывается необходимостью, а вырастает тем, что понял свое положение, в рулевого, который гордо рассекает волны своей лодкой, заставляя бездонную пропасть служить себе путем сообщения»¹⁰. В выборе курса реализуется заложенное в нем стремление к свободе, убежден Герцен. В этом смысле люди — «не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории», потому что они знают, что ткань ковра не без них шьется, и что своими деяниями они вполне *могут переменить узор ковра*. Когда вмешательство в ход событий бывает достаточно сильным и адекватным собственным устремлениям истории, человек становится ее *сотворцом*. Эта идея играет важную роль во всех исторических сюжетах Герцена.

Конечно, «меняя узор ковра», люди, а с ними и история, могут «споткнуться» — и потому, что не верно просчитали свои действия,

и потому, что объективные возможности, находящиеся в состоянии постоянного возбуждения, всегда готовы предстать в неожиданном облики, ведь правит их реализацией все-таки импровизационное начало. Поэтому движение истории не то что не может не отклониться, но должно беспрестанно отклоняться от ожидаемого направления. В итоге история, готовая идти, «куда ей укажут», реально «слагается au fur et à mesure бездной друг на друга действующих, друг с другом встречающихся, друг друга останавливающих и увлекающих частностей»¹¹. И потому положение человека в истории, его деятельное включение в ее ход чрезвычайно сложно — «тут он разом лодка, волна и кормчий. Хоть бы карта была!»¹²

Его свобода — это *свобода в необходимости*. Границы свободы для человека расширяются «в точке» исторического выбора, в момент переходного исторического состояния (флуктуации). Для описания данного состояния и значимости его для исторического движения Герцен вводит *понятие хаоса*, соотносимое по смыслу с сегодняшним понятием энтропии. Понятием хаоса Герцен утверждает факт отсутствия порядка в «статусе» естественного момента истории. Хаос, в его интерпретации, — это катализатор появления нового, с ним связан выход из застывшего, равновесного состояния и переход в новое качественное состояние. «Шаткое равновесие всего живого колеблется и до некоторой степени уступает уклонениям; но еще шаг в ту же сторону — и худо стянутый узел, связующий их, развязан, и освобожденные элементы идут в другое сочетание»¹³, становятся причиной движения вперед по новому эволюционному каналу. В такой момент возникает важный для человека (и истории) вопрос — о выбираемых им целях и средствах их достижения, т.е. о способах воздействия на дальнейший ход исторических событий. Эту проблему Герцен включает в контекст рассуждений о прогрессе.

3. «Если прогресс — цель, то для кого мы работаем?»

Герцен не принимает идею исторического прогресса как цели истории, ради достижения которой живут поколения людей. «Не проще ли понять, — убеждал он, — что человек живет не для *совершения судеб*, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился *для* (как ни дурно это слово) ... для настоящего»¹⁴. Защищая право человека на достойную жизнь, он протестует против принесения его в жертву каким бы то ни было, даже святым, как это может показаться, целям. Нельзя обрезать людей, в какое бы время они ни жили, на участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь будут беспечно веселиться другие. Жертва во имя цели уничтожает саму цель, а любое оправдание жертвы есть циничная *уловка*, за которую можно легко упрятать неумение организовать настоящее. (В истинности этого суждения Герцена мы убедились на

печальном опыте своей страны.) *Если человек становится жертвой, а его жизнь низводится до уровня средства, история утрачивает модус восходящего движения (развития).*

Иногда можно услышать, что гуманистический пафос герценовского протеста против идеи прогресса есть проявление духовно-нравственных, ценностных установок борца за *свободу лица*, каким Герцен вошел в историю страны и отечественной культуры. Да, конечно, это так. Но дело еще и в том, что нравственная установка борца в нем органично соединялась с историсофскими устремлениями исследователя, в соответствии с которыми идея жертвенности просто не укладывалась в систему его представлений об историческом процессе, развивающемся под воздействием объективных начал. Именно поэтому единственное толкование прогресса, с которым Герцен соглашается, это определение его как *«родового роста человечества», «свойства преемственно продолжающегося существования поколений», «деятельной памяти и физиологического усовершенствования людей общественной жизнью»*. В системе его воззрений прогресс — это непрекращающееся движение по пути самореализации и совершенствования общественных и индивидуальных способов человеческой жизни и самого человека как творца. Прогресс — это естественное в своей основе движение, подконтрольное человеку в той мере, в какой он согласует свои действия с основами этого движения и собственным совершенствованием для жизни в условиях, достойных его как субъекта культуры.

Таким образом, можно сказать, что идея прогресса является для Герцена объектом внимания и предметом его суждений об истории в контексте волновавшей его проблемы о способах включения человека в исторический процесс и о способах его воздействия на ход исторических событий.

Отвергая мотив жертвенности при выборе последних, он ставит не менее важный вопрос *о роли насилия* в истории вообще и при трансформации устаревших общественных форм в частности. Взгляды Герцена на эту проблему менялись по мере изменения исторической ситуации в Европе (революционные события 1848 г.) и в России (реформы, начатые отменой крепостного права). Свое завершение они нашли в письмах *«К старому товарищу»*, которые можно считать его духовным завещанием¹⁵.

Насилие, революционную ломку старых общественных форм Герцен отвергает как порочную, за которую человечеству всякий раз приходилось расплачиваться дорогой ценой: человеческими жизнями, культурными потерями, утратой исторически складывавшихся принципов организации общественной жизни, пострадавших духовных традиций, связывающих поколения в народ, нацию. Говоря о влиянии человека на ход событий, Герцен акцентирует внимание

на вопросах: 1) не противоречат ли они разуму, 2) не противоречат ли естественному ходу истории, 3) не противоречат ли общечеловеческим моральным нормам. «Медленность, сбивчивость исторического хода нас бесит и душит, она нам невыносима, и многие из нас, изменяя собственному разуму, торопятся и торопят других. Хорошо ли это или нет? В этом весь вопрос», — предупреждал Герцен¹⁶. История знала всякое, не раз человечеству приходилось под влиянием непродуманных действий буквально взрывать естественный ход истории, шагать из первого месяца беременности в девятый и тогда она начинала ему мстить. Она безжалостно отбрасывала его назад, и оно оказывалось не только перед руинами прошлого, но и перед поверженными идеалами будущего. Настоящее при этом для него просто утрачивало свои смыслы. Предупреждая об этой способности истории, Герцен писал: «Я нисколько не боюсь слова “постепенность”, опошленного шаткостью и неверным шагом разных реформирующих властей. Постепенность так, как непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумения»¹⁷. Герцен хорошо понимал, что варварское, исключаящее эту постепенность в людских действиях вмешательство в ход исторических событий таит страшную угрозу потерять в борьбе за идею саму идею, в борьбе за идеал сам идеал. Нужно ли напоминать, что наш исторический опыт подтвердил реальность такой угрозы?

Но дело не только в «неспешности» человеческих действий, а еще и в том, чтобы они были *взвешены на весах разума*, были подкреплены *пониманием ситуации*, основанным на предвидении возможных последствий своего вмешательства в ход истории. Герцен отказывает революционной ломке старого, как нарушающей естественный ход событий и потому чреватой неминуемым поражением, в *целесообразности*. «Разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те *пределы* сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях... с начала цивилизации», — уверен Герцен¹⁸. В письмах «К старому товарищу» он фактически выносит такой форме вмешательства в ход истории *приговор*. Одновременно в письмах звучит признание-раскаяние: «Я не верю в прежние революционные пути»¹⁹. К Герцену приходит убеждение, что, вмешиваясь в ход истории с целью установления нового порядка, человек должен помнить: это оправдано только в том случае, если вмешательство явится «не только мечом рубящим, но и силой хранительной», если удар по старому миру не уничтожит то, что достойно спасения.

Какими способами «все согласовать к общему благу», добиваясь трансформации старых форм жизни в желаемом направлении, как согласовать интересы старых и новых сил? К каким способам прибегнуть, чтобы найти компромисс? Герцен предлагает на первый взгляд совершенно неожиданный способ, который не назовешь ни

революционным, ни реформаторским: «Проповедь нужна людям, — проповедь неустанная, ежеминутная, — проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам»²⁰. Сегодня, читая этот призыв Герцена, можно возразить ему, надеясь на силу проповеди, что последняя отнюдь не всемогуща, более того, может оказаться не услышанной в грохоте разбушевавшейся стихии борьбы нового со старым. Не исключено, что придется охранять самих проповедников. Но проповедь, конечно, тоже нужна: включаясь активно в процесс трансформации сложившихся форм жизни, люди должны быть к такой работе *внутренне* подготовлены необходимым уровнем культуры общежития, знаниями, усвоенными цивилизованными нормами поведения, укорененными в сознании общечеловеческими ценностями и идеалами — лишь при этом условии их действия сыграют роль силы не только разрушительной, но и охранительной. Наверное, говоря о значимости проповеди и ее «первенства» в системе преобразований по утверждению нового порядка Герцен не в последнюю очередь имел в виду этот момент — как предупреждение человечеству о том, что «великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей»²¹.

Новый водворяющийся порядок будет жизнеспособным, если, нанося удар по старому миру, он сможет спасти и «оставить на свою судьбу» все, что в нем достойно спасения. И в этой связи современному звучит еще одно предостережение Герцена: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены *внутри*. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы»²². К свободе они должны быть *подготовлены*, и одной из главных составляющих такой подготовки, наряду с неприятием существующего положения вещей, является духовная свобода человека, в противном случае он из всего бывшего и нажитого человечеством сделает «скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только пропитании»²³. Проповедь в толковании Герцена — это напоминание людям, что «не хлебом единым жив человек».

В этой связи следует вспомнить, что Герцен один из первых в отечественной общественной мысли признал первоочередную необходимость при утверждении нового порядка трансформации именно экономических отношений как базисного основания любого общественного состояния. В экономических преобразованиях он видел «трезвость основы», отличающую их от всех других, которые, как правило остаются «одной ногой в фантазиях, мистицизме, верованиях и неоправданных предрассудках патриотических, юридиче-

ских и пр.»²⁴ Именно поэтому капитализм невозможно уничтожить никакими политическими революциями. «Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтет утонуть со всем товаром, если можно спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была *так же* очевидна для него, как *возможность спасения*»²⁵. Капиталистам-собственникам надо доказать не то, что их обладание средствами производства и жизни грешно, безнравственно и т.п., а то, что это обладание нуждается отныне в огромных «контрофорсах», чтобы не рухнуть и что этот факт вошел в сознание неимущих. Но экономический переворот, имеющий «необъятное преимущество» перед всеми религиозными и политическими революциями, не может быть, считал Герцен, *самодостаточным* (в противном случае его следствием всегда будет «скучная мастерская»). Он может лишь обеспечить необходимые условия для нового порядка, но он не тождествен последнему в его полноте. Проповедь в этой ситуации может сыграть свою конструктивную роль, но все при том же условии — надо, чтобы ее услышали и те, которые «живут просроченными векселями прежней нравственности», чтобы раскрыть им глаза и они спаслись, если хотят, и те, кто стоит «у руля» преобразований, чтобы они помнили о живших до них поколениях и приумножали богатство, созданное ими, дабы не погиб «капитал, идущий от поколения в поколение и от народа народу. Капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслоилась летопись людской жизни и кристаллизовалась история»²⁶.

Историософские идеи Герцена — о вариативности исторического процесса, о назначении человека и его месте в истории, о свободе и необходимости, о настоящем и будущем, о культурной преемственности поколений, о революциях и реформах — оказали большое влияние на последующее развитие общественно-философской отечественной мысли. Их влияние легко прослеживается в сциентистской ориентации Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева; они способствовали формированию либерального направления в исторической и правовой науке, оформившегося в трудах С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина; они легли в обоснование идеологии народнического социализма, нашли отзвук в русском варианте марксизма; они остаются созвучными современному социальному знанию. Бесспорно, духовное наследие Герцена еще долгое время будет востребованным, и каждое поколение будет открывать в нем для себя что-то новое, ибо, как писал П.Б. Струве, «не готовые решения и утвержденные рецепты, а дух свободы и культуры и сияние красоты обретаем мы в его творениях»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Дебердеева Т.Х.* Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. – М., 2005; *Назаретян Н.А.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М., 2001; *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной саморегуляции). – СПб., 1999; *Аришинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М., 1999.

² *Герцен А.И.* С того берега // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 8 т. Т. 3. – М., 1975. С. 252.

³ *Герцен А.И.* Былое и думы. Глава «Роберт Оуэн» // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 8 т. Т. 7. – М., 1975. С. 283.

⁴ *Герцен А.И.* С того берега. С. 247.

⁵ Там же. С. 248.

⁶ Замечу, что метафоры у Герцена никогда не бывают случайными, они всегда адекватно отражают суть идеи и часто несут эвристическую нагрузку.

⁷ *Герцен А.И.* С того берега. С. 249.

⁸ *Герцен А.И.* Старый мир и Россия // *Герцен А.И.* Избр. труды. – М., 2010. С. 373.

⁹ *Герцен А.И.* Былое и думы. Глава «Роберт Оуэн». С. 232.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 233.

¹³ *Герцен А.И.* Концы и начала // Собр. соч. В 8 т. Т. 8. С. 90.

¹⁴ *Герцен А.И.* Былое и думы. Гл. «Роберт Оуэн». С. 235.

¹⁵ Письма эти были обращены к М.А. Бакунину и направлены против заявившего о себе в это время русского экстремизма. Первоначально они были напечатаны на французском языке в третьем издании его книги «С того берега» в 1870 г. Русский текст писем был опубликован в «Сборнике посмертных статей А.И. Герцена», подготовленном и изданном при участии старшего сына Герцена Александра.

¹⁶ *Герцен А.И.* К старому товарищу // *Герцен А.И.* Собр. соч. Т. 8. С. 325.

¹⁷ Там же. С. 333.

¹⁸ Там же. С. 343.

¹⁹ Герцен, как писал Струве, всегда имел мужество подвергать сомнению и проверке свои даже самые значимые для него верования, и идеи «Письма старому товарищу» – подтверждение этому. «Я не знаю в русской литературе произведения в этом отношении более замечательного по беспощадной критической честности ума, чем последнее и посмертное произведение Герцена “Письма к старому товарищу” (Бакунину), – писал Струве. – Тут Герцен собрал всю мудрость своей богатой жизни, и вся новейшая самокритика социализма in пусе находится в этих “Письмах”» (*Струве П.Б.* Герцен // PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. – М., 1997. С. 291).

²⁰ *Герцен А.И.* К старому товарищу. С. 335.

²¹ Там же. С. 342.

²² Там же. С. 340.

²³ Там же. С. 330.

²⁴ Там же. С. 327 – 328.

²⁵ Там же. С. 330.

²⁶ Там же. С. 343.

²⁷ Струве П.Б. Герцен. С. 290.

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые идеи историософии А.И. Герцена – о «растрепанной импровизации истории», о вариативности исторического процесса, о роли в нем случайности и целенаправленной деятельности человека. Автором статьи эти идеи интерпретируются в их созвучности современному социально-философскому знанию.

Ключевые слова: история, нелинейность исторического процесса, историческая импровизация, случайность, возможность, хаос, порядок, прогресс, человек как субъект истории.

Summary

The article considers the key ideas of Gerzen's historiography: «uncombed improvisation of history», a problem of variability of historical process, a role of accident and purposeful activity of the person. This ideas are interpreted by the author in its accord to modern socially-philosophical knowledge.

Keywords: history, nonlinearity of historical process, historical improvisation, accident, possibility, chaos, order, progress, person as the subject of history.